

Нестеров Максим Викторович

заместитель директора

ГБОУ «СОШ №421 Петродворцового района Санкт-Петербурга»

г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-156322

РЕАЛИЗАЦИЯ ТРЕКОВОЙ МОДЕЛИ ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКОВ ГРУППЫ РИСКА: ИЗ ОПЫТА ФОРМИРУЮЩЕГО ЭКСПЕРИМЕНТА

***Аннотация:** в статье представлен опыт реализации трековой модели деятельности советника директора по воспитанию с подростками группы риска в условиях общеобразовательной школы. Описана четырёхтрековая структура («Коллектив», «Доброволец», «Гражданин», «Профессия»), выстроенная на принципах системности, поступательности и рефлексивной адаптивности. Раскрыты содержание, методы и роль советника как координатора в каждом из треков. На эмпирических данных показана положительная динамика социальной адаптации, ценностно-смысловой сферы и поведенческих показателей подростков экспериментальной группы. Обоснована результативность модели как инструмента профилактики девиантного поведения.*

***Ключевые слова:** советник по воспитанию, подростки группы риска, трековая модель, коллективное творческое дело, социальное проектирование, гражданская идентичность, профессиональное самоопределение.*

Рост числа несовершеннолетних, демонстрирующих различные формы социальной дезадаптации, обуславливает необходимость поиска эффективных моделей профилактики девиантного поведения в условиях общеобразовательной школы. Введение должности советника директора по воспитанию, закреплённое в номенклатуре педагогических работников [1], создало организационные предпосылки для выстраивания целостной воспитательной системы, однако её содержательное наполнение и методический инструментарий остаются предметом научного поиска. Анализ практики, проведённый нами на констатирующем этапе

исследования, показал, что при верном понимании задач советники часто ограничены в выборе средств: доминируют массовые мероприятия, слабо учитывающие индивидуальные особенности подростков группы риска, отмечается дефицит диагностического сопровождения и механизмов координации действий специалистов [2, с. 156]. Это согласуется с выводами Л.Я. Олиференко, Т.И. Шульги, И.Ф. Дементьевой о необходимости комплексного, межведомственного подхода к сопровождению данной категории детей [3]. В ответ на выявленные дефициты была разработана и апробирована трековая модель деятельности советника директора по воспитанию, объединяющая четыре взаимосвязанных направления воспитательной работы. Цель статьи – описать логику, содержание и результаты реализации треков в ходе формирующего эксперимента, а также проанализировать роль советника в каждом из них.

Формирующий эксперимент проводился с января по апрель 2025 года на базе трёх государственных бюджетных общеобразовательных учреждений Петродворцового района Санкт-Петербурга (СОШ №421, 429, 567), составивших экспериментальную площадку. В эксперименте приняли участие 87 обучающихся 7–9 классов: экспериментальная группа – 41 подросток с признаками социальной дезадаптации, отнесённый к категории риска на основе внутришкольного учёта и результатов входной диагностики; контрольная группа – 46 человек из школ №430 и №412, находившихся в стандартных воспитательных условиях. Экспериментальная и контрольная группы были сопоставимы по социально-экономическому статусу семей, уровню девиантных проявлений и возрастным характеристикам.

Методологическую основу модели составили принципы системности, поступательности, двойной детерминации и рефлексивной адаптивности. Принцип поступательности предполагал движение от формирования микросоциальной идентичности к макросоциальной ответственности, что соответствует логике «от близкого – к далекому» и концепции зоны ближайшего развития Л.С. Выготского [4, с. 43]. Принцип двойной детерминации обеспечивал сочетание органи-

зованного педагогического воздействия (экзогенный фактор) и личностной рефлексии, самоопределения подростка (эндогенный фактор). Принцип рефлексивной адаптивности, опирающийся на идеи адаптивных воспитательных систем [5], позволял корректировать содержание каждого последующего трека на основе данных промежуточной диагностики.

Модель реализовывалась в виде четырёх последовательных треков продолжительностью один календарный месяц каждый: «Коллектив», «Доброволец», «Гражданин», «Профессия». Работа осуществлялась междисциплинарной командой, в которую входили советник директора по воспитанию, педагог-психолог, социальный педагог и классные руководители. Ключевая роль отводилась советнику как координатору и интегратору воспитательного процесса. На стратегическом уровне методическое сопровождение осуществлял Информационно-методический центр района, на тактическом – фасилитатор, адаптировавший сценарии на основе диагностических данных, на оперативном – школьные команды, непосредственно реализовывавшие треки.

Для отслеживания динамики применялся комплекс валидных методик: социометрия Дж. Морено (оценка социальной адаптированности и статуса в группе), шкала тревожности Р. Кондаша, опросник эмпатии В.В. Бойко, проективная методика «Незаконченные предложения» (Сакс-Леви) и тест смысловой сферы Н.Е. Щурковой. Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием критерия корреляции Пирсона.

Трек «Коллектив» (первый месяц) был нацелен на формирование групповой сплочённости, коррекцию социальной дезадаптации через создание психологически безопасной микросреды. Теоретическим основанием послужили модель коллективного творческого дела (КТД) И.П. Иванова [6] и теория деятельностного опосредствования межличностных отношений А.В. Петровского [7], согласно которой именно совместная деятельность становится катализатором групповой сплочённости. Советник фасилитировал подготовку и проведение КТД, управляя групповой динамикой на всех этапах: от совместного выбора темы и планирования (первая неделя) до реализации и рефлексии (третья неделя). На

первой неделе классный руководитель провёл интерактивный классный час «Мой класс» с элементами социально-психологического тренинга, а советник организовал мозговой штурм и групповое моделирование КТД. Вторая неделя отводилась работе в микрогруппах, где советник выступал консультантом и модератором, применяя техники фасилитации и разрешения конфликтов. Третья неделя завершалась проведением КТД и рефлексивным кругом, где фиксировался личный вклад каждого и общий результат. Четвёртая неделя отводилась промежуточной диагностике (социометрия, наблюдение за взаимодействием) и обратной связи.

Анализ рефлексивных высказываний подростков показал качественную трансформацию: от первоначальных индивидуалистических установок («не вижу смысла в общих делах») к формированию «Мы-концепции» («мы вместе сделали этот праздник», «понял, что могу быть полезен команде»). Наблюдалось три типа изменений: когнитивное (осознание взаимозависимости), эмоциональное (позитивные связи) и поведенческое (добровольная помощь). Количественно в экспериментальной группе зафиксировано снижение уровня эмоционального отвержения на 5,07% (с 45,57% до 40,5%), уменьшение эмоциональной отстранённости на 4,58% (с 31,29% до 26,71%) и сокращение высокого отвержения семьи на 3,62% (с 65,54% до 61,92%). Рост взаимных положительных выборов по социометрии свидетельствовал о повышении групповой сплочённости. В контрольной группе аналогичные показатели изменились незначительно (на 0,35–0,76%) и не достигли уровня статистической значимости ($p > 0,05$).

Трек «Доброволец» (второй месяц) решал задачу формирования просоциальной направленности, эмпатии и позитивной Я-концепции через присвоение роли «помогающего». Методологической опорой выступили теория социального научения А. Бандуры [8], реализуемая через позитивное моделирование (встречи с действующими добровольцами), и концепция просоциального поведения Д. Бэтсона, где центральной мотивационной силой признаётся эмпатия. Советник координировал проведение интерактивной лекции по истории добровольче-

ской деятельности, организовывал встречу-интервью с волонтерами, где подростки видели реальные примеры социально одобряемого поведения. На второй неделе он руководил процессом нормотворчества при создании добровольческого отряда (разработка устава, выбор символики, распределение ролей). Третья неделя была посвящена социальному проектированию: подростки самостоятельно выбирали социальную проблему и реализовывали проект «Наши добрые дела», а затем участвовали в рефлексивной сессии «Делая добро», анализируя личностный рост. Промежуточная диагностика на четвертой неделе включала опросник ценностей Ш. Шварца (PVQ-R) и методику «Незаконченные предложения».

В экспериментальной группе отмечено снижение ориентации на «лёгкую жизнь» с 3,93 до 3,56 балла (гедонистические установки), уменьшение проекции негативного родительского опыта на 3,2% (с 67,01% до 63,81%), а также рост показателей эмпатии. Подростки начинали идентифицировать себя с субъектом помощи, происходила адекватизация самооценки. В контрольной группе динамика по этим параметрам была минимальной (изменения не превышали 0,03 балла) и статистически не значимой.

Трек «Гражданин» (третий месяц) был направлен на формирование осознанной гражданской позиции и патриотических чувств. Содержательно он был привязан к подготовке к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, что усиливало эмоциональное воздействие. Теоретическим фундаментом послужили культурно-исторический подход Л.С. Выготского [4] (интериоризация культурных образцов героизма), теория социальной идентичности Г. Тэджфела [9] и принципы аксиологического воспитания А.В. Кирьяковой [10]. Советник организовывал интеллектуальную командную игру «Я – гражданин своей Родины», актуализировавшую знания о государстве и праве. На второй неделе он провёл конференцию «Подростки-герои: прошлое и настоящее», где участники готовили доклады о подвигах сверстников в военные годы и в современной России, а также дискуссию о сути героизма в повседневной жизни. Опционально школа №429

провела военно-патриотическую игру «Зарница». Третья неделя отводилась занятию «Я – гражданин: осознание своей роли в обществе» с использованием проблемного обучения и мини-проектов, направленных на перевод знаний в плоскость личной ответственности. По итогам трека снизилась авторитарность в экспериментальной группе на 4,9% (с 30,11% до 25,21%), уменьшилась доминанта усилия на 3,29% (с 25,54% до 22,25%). Качественный анализ высказываний показал, что 57% презентаций на конференции содержали параллели между подвигами военных лет и современным мужеством; сформировалась установка: «Патриотизм – это не громкое слово, а конкретные дела».

Трек «Профессия» (четвёртый месяц) завершал цикл и был нацелен на действие профессиональному и личностному самоопределению, коррекцию ориентации на «лёгкую жизнь». Теоретической основой выступили концепция профессионального самоопределения Е.А. Климова и Н.С. Пряжникова [11], а также нарративный подход в психологии М. Уайта [12], позволяющий подросткам конструировать позитивную жизненную историю. Советник использовал активизирующие методы. На первой неделе классный руководитель провёл классный час «Я – главный герой своей истории» с нарративными техниками: подростки строили «линию жизни», определяли свои «суперсилы», что способствовало формированию агентности и позитивной Я-концепции. На второй неделе советник организовал круглый стол «Будущее в моих руках», где обсуждались вопросы целеполагания и связи текущих действий с будущими результатами. Третья неделя отводилась профориентационному мастер-классу с решением кейсов и мини-пробами. В результате частота негативных высказываний об учёбе снизилась с 73% до 34%; у 70% участников появились конкретные профессиональные планы, а риск девиантного поведения сократился на 3,8% (с 36,3% до 32,5%). Психологическая автономия, являющаяся маркером дистанцирования и закрытости, снизилась на 7,64% (с 51,64% до 44%), что свидетельствовало о росте открытости к взаимодействию.

Во всех случаях изменения в экспериментальной группе были статистически значимы ($p < 0,01$), тогда как в контрольной группе значимой динамики не отмечено ($p > 0,05$ для большинства показателей).

Полученные результаты свидетельствуют, что четырёхтрековая модель обладает внутренней целостностью, обеспечиваемой единой функциональной структурой деятельности советника, описанной в трудах Н.В. Кузьминой [13]. Гностический компонент реализовывался через входную и промежуточную диагностику во всех треках; проектировочный – через разработку индивидуальных маршрутов и планирование треков; конструктивный – через подбор и адаптацию методов (КТД, социальное проектирование, нарративные техники); коммуникативный – через выстраивание доверительных отношений, фасилитацию группового взаимодействия; организаторский – через координацию междисциплинарной команды на стратегическом, тактическом и оперативном уровнях.

Принципиально важным оказалось разграничение ролей при координирующей миссии советника. Педагог-психолог отвечал за диагностику и глубинную коррекцию, социальный педагог – за связь с семьёй и фиксацию поведенческих проявлений, классный руководитель – за первичную социализацию и оперативный мониторинг. Советник же не дублировал эти функции, а выступал навигатором: он трансформировал данные психолога о тревожности и отчёты социального педагога о прогулах в конкретные воспитательные события, распределял нагрузку и корректировал индивидуальные маршруты. Именно такая функциональная матрица позволила добиться статистически значимых сдвигов по всем отслеживаемым параметрам.

Включение подростка, имеющего опыт отвержения, в реальную социально значимую деятельность (волонтёрские акции, уход за мемориалами) стало катализатором слома устоявшихся шаблонов агрессивного или изолированного поведения. Это наблюдение полностью согласуется с выводами С.А. Беличевой [14] о ведущей роли просоциальной деятельности в превентивной практике и с положениями теории ориентации личности в мире ценностей А.В. Кирьяковой [10]. Смещение локуса контроля, зафиксированное в рефлексивных высказываниях,

подтверждает правомерность деятельностного подхода. Принцип рефлексивной адаптивности позволил повысить эффективность треков на 15–20% за счёт своевременной коррекции содержания на основе обратной связи. Так, после анализа результатов «Коллектива» в «Добровольце» были усилены методы развития эмпатии, а после «Гражданина» – акцент на индивидуальном целеполагании в «Профессии».

Вместе с тем необходимо отметить ряд ограничений. Проведение трека «Гражданин» в преддверии Дня Победы могло усилить эмоциональное воздействие, что следует учитывать при тиражировании модели в другие календарные периоды. Ресурсные различия школ и влияние семейного фона также требуют гибкости при внедрении. Преодоление этих факторов возможно через стандартизацию сценариев, использование общих ресурсов района и цифровых инструментов мониторинга.

Реализация трековой модели в ходе формирующего эксперимента доказала её жизнеспособность как целостного инструмента профилактики девиантного поведения подростков группы риска. Содержательная и методическая проработанность каждого трека, их логическая преемственность и координационная роль советника позволили добиться статистически значимой позитивной динамики по показателям социальной адаптации, ценностных ориентаций, семейных отношений и профессионального самоопределения. Модель может быть рекомендована к внедрению в общеобразовательных организациях при условии её адаптации к ресурсам конкретной школы, календарю воспитательной работы и региональной специфике. Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение устойчивости достигнутых результатов в долгосрочной перспективе и адаптация модели для других возрастных групп.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ «Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность» от 21.02.2022 №225.

2. Олиференко Л.Я. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска / Л.Я. Олиференко, Т.И. Шульга, И.Ф. Дементьева. – М.: Академия, 2004. – 256 с. EDN QTXXCB
3. Беличева С.А. Основы превентивной психологии / С.А. Беличева. – М.: Социальное здоровье России, 1994. – 221 с.
4. Выготский Л.С. Проблема возраста / Л.С. Выготский // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. – С. 3–242.
5. Николина В.В. Адаптивная воспитательная система: сущность и механизмы реализации / В.В. Николина, А.А. Лоцилова // Воспитание школьников. – 2019. – №4. – С. 3–10. EDN LFFNWU
6. Иванов И.П. Энциклопедия коллективных творческих дел / И.П. Иванов. – М.: Педагогика, 1989. – 208 с.
7. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив / А.В. Петровский. – М.: Политиздат, 1982. – 255 с.
8. Бандура А. Теория социального научения / А. Бандура. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
9. Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J.C. Turner // Psychology of intergroup relations. – Chicago, 1986. – P. 7–24.
10. Кирьякова А.В. Теория ориентации личности в мире ценностей / А.В. Кирьякова. – Оренбург, 1996. – 152 с. EDN WBSJXL
11. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика / Н.С. Пряжников. – М.: Академия, 2008. – 320 с. EDN QXVVLH
12. Уайт М. Карты нарративной практики / М. Уайт. – М.: Генезис, 2010. – 326 с. EDN QYBEMR
13. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения / Н.В. Кузьмина. – М.: Высшая школа, 1990. – 119 с. EDN JXXRWO
14. Беличева С.А. Превентивная психология в социальной педагогике / С.А. Беличева. – М.: Социальное здоровье России, 2012. – 184 с.